

М. Б. СВЕРДЛОВ

ДРЕВНЕРУССКИЙ АКТ X—XIV вв.

В русской и советской литературе был поставлен и решен ряд важнейших вопросов начальной истории древнерусских актов: опубликованы акты XII—XV вв., проведена их классификация, определены принципы дипломатического и юридического анализа и т. д. Одной из основных проблем в изучении древнейших русских актов является вопрос о их генезисе и начальной истории.¹

Первоначально исследователи обращались к определению формуляра древнерусских грамот в связи с анализом формул и клятв, скрепляющих совершаемые сделки.² Но систематическое изучение символических обрядовых действий и словесных формул, сопровождавших заключение устных сделок, их отражение в формулярах актов, а также выявление основных этапов генезиса письменных актов в русской историографии было начато под влиянием исторической школы в филологии и праве, основным принципом которой был анализ фактов в историческом развитии, а сравнение с аналогичными явлениями в других странах должно было подтвердить объективность наблюдений.

Впервые в русской историографии этот круг вопросов был рассмотрен П. Д. Колмыковым. По его мнению, юридические символы и обряды были поэтическим выражением внешней, материальной стороны правовых идей на «младенческой» стадии

¹ Валк С. Н. 1) Сборник грамот Коллегии экономии. (Историографические заметки). — Борьба классов, 1924, № 1—2, с. 228—245; 2) Начальная история древнерусского частного акта. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. М.—Л., 1937, с. 285—292; Копанев А. И. Советская дипломатика. — Вспомогат. истор. дисциплины, I. Л., 1968, с. 68—69; Каштанов С. М. О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 209—215.

² Е[вгений]. О разных родах присяг у славянорусов. — Вестник Европы, 1813, № 13, с. 36—39; Макаров М. Древние и новые божбы, клятвы и присяги русские. — Труды и летописи Общества истории и древностей российских, 1828, ч. IV, кн. I, с. 184—218; Морошкин Ф. О постепенном образовании законодательств рассуждение. М., 1832, с. 123—136.

развития общества. В «юношеском возрасте» человечество переходит к более абстрактным кратким, «многозначным» изречениям — формулам, «мерным, часто рифмованным», что отражает в «умственной зрелости народа» смену «чувственной» поэзии поэзией слова. Наконец, в «мужском возрасте» человечества юридическая мысль нашла выражение в юридической прозе — «бесчисленных видах изустного и письменного делопроизводства».³

Нет необходимости доказывать идеалистичность этого построения, характерного для романтической школы.⁴ Однако несомненной заслугой П. Д. Колмыкова является определение задачи специального изучения символических обрядовых действий и словесных формул как предыстории актов. Он указал источники для исследования юридического символизма: грамоты, летописи, писцовые книги, этнографический материал. Полученные результаты он сравнивал с наблюдениями, заимствованными из трудов Я. Гримма и М. Мишле.⁵

Рассматривая символы и формулы при совершении сделок, П. Д. Колмыков подробно остановился на выяснении происхождения формулы «одерень» в актах XIV—XV вв. Он привел примеры использования у разных народов куска земли или дерна при решении спорных вопросов о земельных участках и последующего употребления выражения «продать в дерн, одерень» как словесной формулы. П. Д. Колмыков отметил, что дерн как символ при земельных сделках широко применялся на новгородских землях и связанных с ними территориях, однако «символ земли и дерна есть древний обычай, общий всей Руси, но он сохранился в писанном праве, в грамотах юридических, только в странах северной России, входивших некогда в состав Новгородской державы, а в средней России, в сердце Московского государства, он также существовал непрерывно, но единственно в праве неписанном, в сознании народном; здесь он был, вероятно, вытеснен из законов, как памятник древнего языческого обыкновения, и заменен подобным символическим обрядом, но уже облагороженным понятиями христианскими: хождением по межам, отводом земли по Пречистой (Богородице) или с иною иконою».⁶

Таким образом, П. Д. Колмыков предложил достаточно широкую программу для выявления обрядовой символики и словесных формул, которая могла бы стать надежной основой изучения формулярного состава и конкретного анализа генезиса акта. Однако эта программа была поддержана исследователями лишь

³ Колмыков П. Д. О символизме права вообще и русского в особенности. СПб., 1839, с. 12—19.

⁴ Ср.: Michélet M. Origines du droit français cherchées dans les symboles et formules du droit universel. Paris, 1837, p. XCIX—C.

⁵ Grimm J. Deutsche Rechtsaltertümer, H. 1, 2. Göttingen, 1828; Michélet M. Origines. . . .

⁶ Колмыков П. Д. О символизме права. . . , с. 75—91.

частично. Наиболее обстоятельно некоторые из вопросов, поднятых П. Д. Колмыковым, были рассмотрены А. Г. Станиславским в связи с изучением актов, подтверждающих имущественные права.⁷

А. Г. Станиславский установил значительное число древнерусских символов и формул. Он предположил, что в доактовый период сделки совершались устно «в сопровождении торжественных каких-либо обрядов (символов) и с помощью общеупотребительных, заученных изречений (формул)»⁸ (отметим, что Я. Grimm высказывал твердую уверенность в существовании такой формы сделок в доактовый период).⁹ Письменные акты стали распространяться не ранее XIII в. Причем до Уложения 1649 г. «совершение актов укрепления прав на имущества... зависело по большей части от произвола участвующих сторон. Ежели при этом наблюдаемы были какие-либо правила в отношении к форме и внутреннему составу актов, то правила эти освящены были одними только обычаями и, вероятно, не были подтверждены законом».¹⁰

Работа А. Г. Станиславского явилась первым в русской историографии исследованием, в котором было указано значительное число юридических символов и формул, по обычаю используемых для закрепления сделок, была сделана попытка определить назначение символов, формул и актов, установить время появления письменных актов и периодизацию казуального и обязательного их оформления. В дальнейшем эти направления исследований начальной истории древнерусского акта долгое время оставались без последующих конструктивных разработок.¹¹

Новый плодотворный подход к изучению этой темы был намечен А. С. Лаппо-Данилевским на материалах русской дипломатики частных актов. Им было установлено, что «частные акты в древности являлись в значительной мере продуктами народного творчества». Аппарат центральной власти не выработал формуляры частных актов, поэтому они «складывались скорее на почве обычного народного права, хотя, разумеется, должны были сооб-

⁷ Станиславский А. Г. Об актах укрепления прав на имущества. Казань, 1842.

⁸ Там же, с. 108.

⁹ Grimm J. Deutsche Rechtsaltertümer, H. 2, S. 603—604.

¹⁰ Станиславский А. Г. Об актах..., с. 112, 119—120, 128—129.

¹¹ Энгельман И. О приобретении прав собственности на землю. СПб., 1859, с. 9—16; Шпилевский С. Об источниках русского права в связи с развитием государства до Петра I. — Уч. зап. Казанск. ун-та, 1862, вып. II, с. 260—263; Леонтович Ф. История русского права, вып. I. Одесса, 1869, с. 89—90; Загоскин Н. 1) Метод и средства сравнительного изучения древнейшего обычного права славян вообще и русских в особенности. Казань, 1877, с. 23—32; 2) История права русского народа, т. I. Казань, 1899, с. 448—459; Павлов-Сильванский Н. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910, с. 423—452; Ельяшевич В. Б. Очерк развития форм поземельного оборота в России. — Изв. СПб. политехн. ин-та, т. XVII. Отдел наук эконом. и юрид. 1912, с. 231—232.

разоваться с текущим законодательством».¹² Разработанные А. С. Лаппо-Данилевским приемы изучения актов — определение осведомительного и удостоверительного характера актов (отсюда оценка осведомительных грамот как «памяти» о совершенной сделке), их дипломатический и юридический анализ — открывают большие возможности для исследования начальной истории древнерусского акта.

Применение этих методов позволило С. Н. Валку определить причины различий формулярного состава полных грамот из новгородских и центральных русских районов.¹³ С. Н. Валк сформулировал три периода становления частных актов: 1) сделка доактового периода, скрепленная символическим действием; 2) письменный акт — «память» для «запечатления... действий и событий»; 3) акт для «надлежащего удостоверения» сделки,¹⁴ причем ранний акт не сразу заменял символическую обрядность, а долгое время сосуществовал с ней.¹⁵ Однако в историографии не были конкретно рассмотрены ранние формы закрепления сделок как в словесно-обрядовой, так и в письменной форме, выявленные периоды истории древнерусских актов не были обоснованно датированы, не определено начало распространения письменного акта. Поэтому С. Н. Валк еще в 1937 г. с полным основанием констатировал недостаточную изученность истории акта,¹⁶ причем одним из основных нерешенных вопросов являлось определение происхождения частных актов.¹⁷

Второй проблеме С. Н. Валк посвятил специальное исследование. Рассмотрев древнейшие сохранившиеся частные акты XII—XIII в., он пришел к выводу, что в северо-западных русских районах (Новгород, Псков или Полоцк), «развитие которых в эти века шло несколько иным путем, чем развитие остальной феодальной России», частные акты появились в XIII в., а в центральной России — во второй половине XIV в., причем основанием для таких выводов послужило определение подложности древ-

¹² Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пгр., 1920, с. 178—179.

¹³ Валк С. Н. Грамоты полные. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пб., 1922, с. 113—132.

¹⁴ Валк С. Н. [Рец. на:] А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов. — Русский исторический журнал, 1922, кн. 8, с. 250—251.

¹⁵ Валк С. Н. Грамоты полные, с. 122. — Такая постановка проблемы позволила преодолеть схематизм в изучении начальной истории актов, когда исследователь ставил перед собой однозначные вопросы: «где, когда, при какой обстановке зародились эти (частные, — М. С.) акты, что вызвало их к жизни?» (Котляров Г. М. К вопросу о времени появления на Руси свадебных актов. — Русский исторический журнал, 1920, кн. 6, с. 158). Подобная формулировка вопросов предусматривает однозначные, статические ответы, и не случайно, обратившись к начальному частному акту, Котляров пришел к выводу о его заимствовании из Западной Европы.

¹⁶ Валк С. Н. Начальная история..., с. 292.

¹⁷ Валк С. Н. Грамоты полные, с. 132.

нейших частных актов и констатация факта, что частных актов не было на Руси ни до принятия христианства, ни в XI—XII вв., поскольку они не упомянуты в судебной процедуре Русской Правды.¹⁸

Такая постановка проблемы С. Н. Валком предопределила характер исследования начальной истории древнерусского частного акта М. Н. Тихомировым, который пришел к выводу о подлинности всех частных грамот XII—XIII вв.¹⁹ Наблюдения М. Н. Тихомирова были приняты большинством советских историков. В последующей историографии (прежде всего в работах В. Л. Янина и С. М. Каштанова) рассматривались отдельные вопросы датировки и формулярного анализа древнерусских актов. Изучению частного земельного акта в XII—XIV вв. посвятил специальное исследование Ю. Г. Алексеев. По его мнению, в XII—XIII вв. поземельные сделки между феодалами оформлялись грамотами, а в среде свободных крестьян-общинников (по материалам Псковской судной грамоты) земельный акт начал использоваться в XIV в., сосуществуя с устной процедурой оформления сделок.²⁰ Однако такие вопросы начальной истории древнерусских грамот, относящиеся к общей проблеме становления русского письменного акта, как оформление распоряжений и сделок в древнейший период и влияние словесно-обрядовых процедур на формуляры древнейших актов,²¹ нуждаются еще в дополнительной разработке. Изучению этих вопросов посвящена настоящая статья.

В работах первой половины XIX в. рассматривалось происхождение древнерусских актов вообще. В исследованиях С. Н. Валка и М. Н. Тихомирова поставлены вопросы начальной истории частных актов, которая противопоставлена начальной истории публичных актов. Целесообразность такого противопоставления является, на наш взгляд, сомнительной. Оно происходит от классификации древнерусских актов на частные и публичные, сформулированной А. С. Лаппо-Данилевским и принятой его уче-

¹⁸ Валк С. Н. Начальная история... , с. 292—317.

¹⁹ Тихомиров М. Н. О частных актах в древней Руси. — Истор. записки, 1945, т. 17, с. 225—244.

²⁰ Алексеев Ю. Г. Частный земельный акт средневековой Руси (от Русской Правды до Псковской судной грамоты). — Вспомогат. истор. дисциплины, VI. Л., 1974, 125—141.

²¹ Под актами понимаются «документы или грамоты с правозначащим содержанием, т. е. такие, которые облачают известное правоотношение — правительственное постановление или юридическую сделку — в письменную форму» (Лаппо-Данилевский А. С. Очерк..., с. 13). — С. М. Каштанов предложил другое определение актов: «Документы, в которых в форме определенных юридических норм зафиксированы экономические или политические сделки, договоры между „частными лицами“; „частным (юридическим или физическим) лицом и государством“» (Очерки русской дипломатики. М., 1970, с. 9). Существенным дополнением к определению акта как документа, фиксирующего сделку-договор, по нашему мнению, было бы указание актов — односторонних распоряжений.

никами. Эта классификация исходила из типичного для античной и буржуазной юриспруденции разделения права на частное и публичное. Подобное разделение отражало существовавшую в рабовладельческом и буржуазном обществе четко различающуюся частную и публичную (государственную) собственность. Отсюда, по мнению А. С. Лаппо-Данилевского, «задача публичного права состоит в том, чтобы установить те нормы, которые регулируют ввиду общего блага единого общественного целого отношения между общей волей „всех и каждого“ из его членов; задача частного права состоит в том, чтобы установить, не нарушая такого условия, те нормы, которые регулируют ввиду частной выгоды принадлежащих к нему отдельных лиц отношения их волеизъявлений друг к другу».²² Однако перенесение категорий рабовладельческого и буржуазного права на юридические нормы феодального общества является спорным уже в силу их существенных отличий от права, отразившего формы феодальной собственности и общественных отношений. Здесь не место определять характер феодальной собственности и ее отражение в феодальном праве, отметим только, что А. С. Лаппо-Данилевский смог привести убедительные примеры «противоположения между государственным и частным интересом» в законодательстве развитого феодального крепостнического Русского государства лишь с Уложения 1649 г. Разделение феодального права на публичное и частное сделало необходимой такую же классификацию актов. С научной честностью, показывавшей всю шаткость основания, А. С. Лаппо-Данилевский писал: «Некоторое различие между понятиями о публичном и о частном праве (курсив наш, — М. С.) можно полагать в основу разграничения понятий о публичноправовом и частноправовом акте, хотя оно и не всегда совпадает с различием их с чисто дипломатической точки зрения по их формулярам».²³ Сам исследователь показал, что такой классификации не поддаются наиболее типичные для феодального общества иммунитетные грамоты. В духовных грамотах московских князей, в которых на основе феодальных прав собственности князья раздавали наследникам города, села и деревни, наследованные и купленные, скот, украшения и дорогую одежду, А. С. Лаппо-Данилевский увидел смешение публичноправовых и частноправовых элементов в одном акте.²⁴ А. С. Лаппо-Данилевский, хотя и в неопределенной форме, но все же делает вывод: «Вышеуказанное общее различие между публичным и

²² Лаппо-Данилевский А. С. Очерк..., с. 31; ср. Ульпиан: «Публичное право — это то право, которое „ad statum rei Romanae spectat“ (буквально обращено, относится к статусу, к состоянию Римского государства, — И. Н.), а частное право — то, которое относится к „ad singulorum utilitatem“ (т. е. имеет в виду выгоды, интересы отдельных лиц, — И. Н.)» (Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права. 3-е изд. М., 1972, с. 7).

²³ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк..., с. 34—40, 41.

²⁴ Там же, с. 46.

частным правом *постепенно проникало в наше правосознание и законодательство, хотя и устанавливалось не столько в догматической его форме, сколько в исторически слагавшемся его применении к деловой практике данного времени. С такой точки зрения позволительно различать* (курсив наш, — М. С.) в составе наших документов публичные и частные акты». ²⁵

На таком неопределенном основании, которое нуждается не только в доказательстве, но и в обстоятельном историческом исследовании, покоится утверждение о правомерности деления древнерусских актов на частные и публичные.

Подобная классификация вызывала сомнение как у самого А. С. Лаппо-Данилевского, так и у его учеников. Все же ее несомненные достоинства для определения видов развитых по формуляру актов XV—XVI вв. и изучения их истории способствовали ее последовательному применению. ²⁶ Однако при этом древнейшая история «частных» актов оказалась оторванной от всего процесса становления актов, складывания формуляров и развития их видов. При таком изучении начального периода актов изолировались явления одного вида, которые существенно не отличаются ни по содержанию (фиксация феодальных прав и отношений), ни по форме (формуляру). Поэтому нам представляется целесообразным рассматривать древнерусские акты без деления их на «публичные» и «частные». Такое применение дипломатического анализа не исключает принципа юридической классификации актов XVI—XVII вв. и последующего времени на «частные» и «публичные» в период развитого феодального права. Предлагаемый подход к исследованию позволяет вместо альтернативного избрания использовать оба метода анализа истории актов.

При определении видов оформления распоряжений и сделок в древнейший период и их влияния на формуляры древнейших актов первоначальной задачей является установление конкретных формуляров ²⁷ древнейших актов и их отношение к словесно-обрядовой процедуре.

Большие возможности для определения конкретного формуляра представляют акты, подтверждающие распоряжение владением. Данные грамоты Всеволода Мстиславича (1125—1137 гг.) содержат сложившийся формуляр этого вида актов: 1) адресант, 2) диспозитивная клаузула—формула «дал есмь», 3) адресат, 4) распоряжение, 5) санкция. ²⁸ Этому формуляру следуют, усложняясь в изложении передачи и условий вкладов, более поздние

²⁵ Там же, с. 49.

²⁶ Валк С. Н. [Рец. на:] А. С. Лаппо-Данилевский..., с. 251—253.

²⁷ Здесь и далее нами используется терминология по дипломатике, применяемая С. М. Каштановым в «Очерках русской дипломатики».

²⁸ О терминологии условного формуляра см.: Каштанов С. М. Очерки..., с. 27—45; Santifaller L. Urkundenforschung. Köln—Graz, 1968, S. 27—28.

сохранившиеся данные, княжеские и некняжеские грамоты второй половины XIV—первой половины XV в.²⁹

Данные грамоты употреблялись задолго до второй четверти XII в. Об этом свидетельствует не только сложившийся формуляр грамот Всеволода Мстиславича, но и включенная в «Повесть временных лет» под 996 г. в отрывках данная Владимира Десятиной церкви.³⁰

Данная Всеволода
Мстиславича
(1125—1137 гг.)

Данная Владимира
Святославича
(996 г.)

Ср.: данная Варлаама
(ок. 1192 г.)

1) *Се аз*³¹ князь великий Всеволод
2) *дал есмь*
3) святому Георгию
4) Терпужьский погост Ляховичи с землею. . .
5) *А то дал есмь* святому Георгию во веки.
6) *А хто поступить, судиться со мною перед Георгиемъ в сии век и в будущи.*³²

Помолившюся [Владимир] рек сице:
1) *Се даю*
2) Святеи Богородици сеи
3) от имени моего и от град моих десятиую часть». Положив, написа клятву в церкви сеи, рек:
4) *«аще кто посудит сего, да будет проклят».*³³

1) *Се въдале*
2) Варламе
3) святому Спасу
4) землю и огород, и ловища рыбная. . .
Се же все дал Варлам Михалев сын святому Спасу
5) *Аще кто дияволъм научен и злыми человеки наважен цъто хочет отъйти. . . а буди ему противен святой Спас и в съ век и в будущи.*³⁴

Изложение летописцем содержания грамоты в виде прямой речи было распространенным летописным приемом. Д. С. Лихачев указал на другой прием: «речи» послов запоминались, а при изложении событий тщательно цитировались.³⁵ Однако можно проследить стремление летописцев использовать грамоты при изложении прямой речи для придания ей документальной точности.³⁶ Если это наблюдение верно, то можно сделать вывод, что формуляр данной грамоты существовал уже в конце X в. Если считать «речь» Владимира поздним домыслом летописца, то следует констатировать, что во второй половине XI в. (время составления

²⁹ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966 (далее — Марасинова), № 17; АФЭХ, I, № 30, 229, 245, 246; АСЭИ, I, № 3, 4, 5, 6, 14, 40; II, № 8, 434, 436 и др.

³⁰ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 144, 473.

³¹ Здесь и далее курсив в цитированных источниках наш, тексты приведены по упрощенной транскрипции, конечные «ъ» опущены.

³² ГВНП, № 80, см. также № 79, 81.

³³ НЛ, с. 165. Ср. летописную запись о «данье» Андреем Боголюбским владимирской церкви Богородицы (ИЛ, стлб. 491).

³⁴ ГВНП, № 104. О подлинности грамоты см.: Валк С. Н. Начальная история. . ., с. 304—306; Тихомиров М. Н. О частных актах. . ., с. 222—233.

³⁵ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 114—125.

³⁶ НЛ, с. 321; ИЛ, стлб. 523.

Начального свода) набор клаузул при словоговорении был такой же, как и формуляр данных грамот XII в.

Формуляр древнейших сохранившихся купчих грамот второй половины XIV—начала XV в. стабилен. Грамота начинается с диспозитивной клаузулы — формулы «се купи» или «се купиша», затем следуют указания контрагентов, название предмета купли, стоимость купли, перечень послухов. При указании купли могло быть общее обозначение предмета купли — земля, волость, остров, двор, отчина и т. д.,³⁷ перечень земельных угодий и наземных сооружений, водных участков с указанием «завода», «обода», «межи»³⁸ или без указания границ.³⁹ В купчих указывались условия продажи: «в одерень», цена с «пополонком».⁴⁰

Большое значение имеет выяснение вопроса о времени появления купчих грамот и виде их формуляра. Древнейшие сохранившиеся купчие (в более поздних списках) датируются второй половиной XIV—началом XV в.⁴¹ (одна купчая в позднем списке на основании описания прикрепленной вислой печати датируется первой половиной—серединой XIV в.⁴²). Берестяная грамота № 53 позволяет утверждать о существовании купчей грамоты развитого формуляра в более раннее время. Грамота найдена в X строительном ярусе (10—30-е годы XIV в.). Ее содержание следующее: «Поклон от Потра к Марье. Покосиле есмь пожню, и Озерици у мене сено отъяли. *Стиши список с купной грамоте да пришли семо. Куды грамота поведе, дать ми разумно*».

Из этой грамоты следует, что Петр владел купчей грамотой на пожню или на пашенные земли и другие владения плюс пожни.⁴³ В грамоте был указан «завод» или «обвод» земли («куда грамота поведе»). Грамота хранилась в доме владельца, а ее список был доказательством при совместном разбирательстве. Развитый формуляр купчей, о которой сообщается в берестяной грамоте № 53, указание не земли вообще, а пожни или других владений плюс пожни, указание «завода» или «обвода», использование на суде или совместном разбирательстве копии купчей вместо подлинника свидетельствуют, на наш взгляд, о широком распространении и давней практике использования купчих грамот. Все это позволяет вернуться к вопросу о подлинности данной Антония Римлянина (не позднее 1147 г.).⁴⁴

³⁷ АФЗХ, I, № 128 и др.; АСЭИ, I, № 13; ГВНП, № 106, 123, 131; НГБ, № 178.

³⁸ ГВНП, № 116, 123, 133; Марасинова, № 1, 7, 13, 19, 26; АСЭИ, I, № 2 и др.

³⁹ ГВНП, № 124; АСЭИ, II, № 1, 2; Марасинова, № 20.

⁴⁰ Подробнее см.: Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в., ч. I. СПб., 1908, с. 21—31.

⁴¹ ГВНП, № 106, 108, 123, 124 и др.; Марасинова, № 1; АСЭИ, I, № 2, 8 и др.

⁴² Марасинова, № 7, с. 89, 172.

⁴³ Ср. ГВНП, № 124, 133; АСЭИ, II, № 1; Марасинова, № 19.

⁴⁴ ГВНП, № 102.

Эта грамота состоит из вводной фразы, не характерной для формуляра данных: «Се труд, госпоже моя пречистая богородица, имь же трудихся на месте семь», — восходящей скорее к устному молитвенному обращению. Типичной для данных является традиционная запретительная формула: «А хто сию землю наступит, а то управит мати божия». Поэтому представляется справедливой классификация этой грамоты при публикации ее в ГВНП как данной, хотя основное ее содержание представляет собой купчую.

Именно в качестве купчей грамота явилась предметом изучения. Все аргументы, свидетельствующие о ее поддельности и подлинности, были мобилизованы С. Н. Валком и М. Н. Тихомировым.⁴⁵ Принимая вывод М. Н. Тихомирова, согласно которому содержание грамоты и история ее списка не подтверждают подложность купчей Антония Римлянина, отметим, что в пользу этого вывода свидетельствует также берестяная грамота № 53. Косвенные данные, говорящие о широком распространении купчих в начале XIV в. и давней практике их использования, заполняют лауну между купчей Антония Римлянина и достоверными купчими второй половины XIV—начала XV в., сохранившимися в списках. Клаузула купчей Антония «А обвод той земли... А той земле и межа» объясняет слова берестяной грамоты «куды грамота [купчая] поведе», указывая на близость формуляра грамоты Антония и купчей грамоты Петра. Эта клаузула восходит к указаниям границ земельных участков при устных сделках.⁴⁶

Назначение грамоты Антония как данной и ее основное содержание в виде купчей также свидетельствуют, по нашему мнению, о ее подлинности, так как в случае подделки грамоты, как считает С. Н. Валк, в 1573 г. была бы написана данная по хорошо известному формуляру данных или вкладных грамот. Особенность формуляра данной Антония можно объяснить тем, что Антоний передавал принадлежавшую ему землю возглавляемому им монастырю. Включение Антонием купчей в данную должно было доказать законность его владения передаваемой землей и вместе с тем указывало точные ее границы (в этом можно видеть начало широко распространенного позднее правила передач в монастыри вместе с данными и вкладными купчих и других грамот на передаваемое владение). Отсутствие в купчей Антония указания на послухов можно объяснить тем, что она была включена в данную и ее полный формуляр был не обязателен (опускание начальных или конечных клаузул грамот при включении их в другие грамоты или копиянные книги хорошо известно).⁴⁷

⁴⁵ Валк С. Н. Начальная история..., с. 295—300; Тихомиров М. Н. О частных актах..., с. 233—241.

⁴⁶ Валк С. Н. [Рец. на:] А. С. Лаппо-Данилевский..., с. 251.

⁴⁷ По мнению Ю. Г. Алексеева, купчей Антония в распоряжении переписчика XVI в. не было, утверждение грамоты о покупке земли у «посадничих детей» не подтверждается духовной Антония, ошибочно вместо гривен указаны рубли, поэтому, учитывая еще аргументы С. Н. Валка,

Не одинока теперь купчая Антония Римлянина и как свидетельство о земельной купле в XII в. В киевском Софийском соборе открыто следующее граффити: «Месяца января въ 30 [на] святого Ипполита крила землю княгыни Бояню Всеволожаа перед святою Софиею, перед поны; а ту был попин Яким Домило, Пателеи Стипоко, Михалько Неженович, Михаил, Данило, Марко, Семеюн, Михаил Елисавинич, Иван Янчин, Тудор Тубынов, Илья Копылович, Тудор Борзятч; а перед теми послухы купи землю княгыни Бояню всю; а вдала на ней семдесят гривен соболии, а в том драниц семсоту гривен».⁴⁸ Весь текст граффити ясен, за исключением загадочных «драниц» и их соотношения с гривнами.⁴⁹ Надпись датируется С. А. Высоцким второй половиной XII в.⁵⁰

Особый интерес представляет характер надписи, повторяющей в основном формуляр купчих грамот. Было ли это граффити сознательным повторением купчей (на это указывают соблюдение формуляра купчей и полный перечень послухов), или памятная запись о купле (на что указывает дата совершения сделки) невольно повторила привычный формуляр купчей, или надпись запечатлела лишь процедуру купли? На эти вопросы мы не можем дать однозначный ответ. Важно главное: граффити зафиксировало процедуру купли земли, совершенной перед послухами в Софийском соборе точно такой же, какой она предстает в купчих грамотах XIV в., что свидетельствует о сложившейся ко второй половине XII в. процедуре купли земли, причем в Киеве и Новгороде эта процедура была тождественной, вне зависимости от того, были ли в Киеве грамоты, как в Новгороде, или нет.

Вероятно, наиболее древним видом оформления сделок было заключение ряда. В древней Руси слова «ряд», «порядить» широко использовались для обозначения различного рода договорных соглашений (в этом значении использовались также «докончанье», «докончить»)⁵¹ Как «ряд» воспринимались договоры вообще, договоры о мире, о старейшинстве, о владении княжеством или городами.⁵² «Рядом» оформлялись зависимость от господина (рядо-

о «подлинности» акта «не может быть и речи» (Алексеев Ю. Г. Частный земельный акт, с. 127). Однако эти доводы, на наш взгляд, не являются доказательством подложности документа, поскольку в духовной могли быть опущены контрагенты Антония, что невозможно при оформлении купчей, а замена гривен рублями относится к обычным поновлениям языка при переписке в XVI в. Необычный формулярный состав грамоты объясняется объединением данной и купчей, а пользовался ли переписчик оригиналом данной или ее списком, принципиального значения не имеет.

⁴⁸ Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., вып. I. Киев, 1966, с. 61, 64, табл. XXVII, XXVIII.

⁴⁹ Там же, с. 65—66; Высоцкий С. О. Деякі питання історичної інтерпретації софійських граффіті. — Археологія, Київ, 1974, вып. 14, с. 12—13.

⁵⁰ Высоцкий С. А. Древнерусские надписи..., с. 69.

⁵¹ ГВНП, № 11, 12, 13, 29, 83, 91, 112, 284 и др.

⁵² ИЛ, стлб. 471, 523, 555, 578, 626.

вичи) и соглашения на землю, повинности, имущество и т. д.⁵³ Различие видов сделки было причиной многообразия содержания рядных грамот, что сказывалось на значительной вариационности оформления документов, однако уже в древнейших сохранившихся рядных второй половины XIII—XIV в. прослеживается устойчивый формуляр.

Рядная Тешаты и Якима
(1266—1291 гг.)

- 1) *Се порядися*
- 2) Тешата с Якимом
- 3) про складство, про первое и про заднее. И на девце Яким серебро взял, а мониста Тешатина у Якимовы жены свободна Тешяте ваяти, и роцет учинила промежи себе.
- 4) А боле не надобе Якыму Тешяте, ни Тешяте Яким.
- 5) А на том послуши.
- 6) А кто сии ряд переступит. . . тот дасть 100 гривен серебра.
- 7) А псал Довмонтов писец.⁵⁴

Рядная детей Мысловых
(XIV в.)

- 1) *Се доконьцяжу*
- 2) Мыслове дете Труфали з братьею
- 3) давати успов 6 короби ржи да короби пшеници, 3 солоду, дару 3 кунници да пуд меду, детям по белки 3 и 3 горсти лену.⁵⁵

Рядная игумена Федора
(II половина XIV в.)

- 1) *Се поредишася*
- 2) Феодор игумин спасовскы и чернеци его со Остафьею с попом и Смолигом. . .
- 3) про землю на Ригиня горя.
- 4) Что бяху чернъци отъяли ниву от Оставья и от Смолигу и о брата его на Ригиня горя. . .
- 5) А Ратборчевя жеребеи Остафьи и Смолигу з братью не надобе.
- 6) А судная грамота изрезась.
- 7) А на то рядци. . .
- 8) А кто сеи ряд порушит, на того святыи Спас.⁵⁶

Значительный интерес представляет формуляр берестяной грамоты № 136, который указывает на ее назначение не как юридического документа (отсутствует указание послухов и запретительная формула), а как записи — «памяти» о совершенной сделке. Это свидетельствует о том, что «памяти» были не только этапом в истории становления акта, как установил С. Н. Валк, но и сосуществовали с актами в период сложившегося акта.

Как «ряд» воспринимались в древней Руси духовные завещания.⁵⁷ Формуляр духовных княжеских грамот, известных в подлинниках со второй трети XIV в., не только повторен в основных клаузулах духовной конца XIII в., включенной в Ипатьевскую летопись, но и в летописном изложении княжеских завещаний XI—XII вв.

Устойчивый набор клаузул указывает на то, что уже в XII в. существовала устная процедура княжеского завещания в таком же виде, как в конце XIII—XIV в., когда она была зафиксирована в актах. Ее истоки прослеживаются в XI в.

⁵³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, СПб., 1903, с. 231—235; Тихомиров М. Н. О частных актах. . ., с. 243—244.

⁵⁴ ГВНП, № 331.

⁵⁵ НГБ, № 136.

⁵⁶ Марасинова, № 2.

⁵⁷ ПВЛ, I, с. 108; ИЛ, стлб. 657, 903; ДДГ, № 1, 3.

Духовная Ивана Калиты (ок. 1339 г.)	Духовные Владимира Васильковича (1287 г.)	Завещание Ярослава Владимировича (1187 г.)	Завещание Мстислава Ростиславича (1179 г.)	Завещание Ярослава Мудрого (1054 г.)
1) Во имя отца и сына и святого духа.	1) Во имя отца и сына и святого духа. . .	[Ярослав Владимирович] молвятъ мужем своим:	[Мстислав Ростиславич] възрев на дружину свою и на княгиню. . .	[Ярослав] наряди сыны своя, рек им:
2) <i>Се аз. . .</i>	2) <i>Се яз</i> [имярек]. . .	1) <i>Се аз. . .</i>	и поча им молити:	1) <i>Се аз</i> отхожю света сего, сынове мои; имейте в себе любовь, поже вы есте братья единого отца и матери. . .
3) пишу душевную грамоту	3) даю землю всю и города по животе своем	2) А се <i>приказываю</i> место свое Олгови. . .	1) <i>Се приказываю</i> дѣтя свое Володимера Борисови Захарыичю и с сим даю брату Рюрикови и Давыдови с волостью на руце, а что о мне бог промыслить. ⁶¹	2) <i>Се же поручаю</i> в себе место стол старейшему сыну. . .
4) ни ким не нужен, целым своим умом, в своем здоровьи.	4) брату своему Мьстиславу. . .	3) а Володимеру даю Перемышль		Изяславу Киев. . .
5) Аже бог что розгадает о моем животе, даю ряд сыном своим и княгини своей.	1) Во имя отца и сына и святого духа. . .	4) и <i>урядив</i> ю и приводи Володимера ко хресту и мужи Галичкыя на семь, яко ему не искать под братом Галича. ⁶⁰		3) А Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль и т. д. ⁶²
6) <i>Приказываю</i> сыном своим очину. . .	2) <i>Се яз</i> [имярек]			
7) А се есмь им роздел учинил:	3) пишу грамоту:			
8) <i>Се дал</i> есмь сыну своему болшему Семену. . .	4) дал есмь княгине своей, по своем животе. . .			
9) А <i>приказываю</i> тебе, сыну своему Семену, братью твою молодшую. . .	5) А княгини моа, по моем животе оже восхочет в черниче поити, поидеть. . . ⁵⁹			
10) А грамоту писал. . .				
11) А кто сю грамоту порушит, судит ему бог. ⁵⁸				

Не отличаются от княжеских по формуляру не княжеские духовные грамоты.

Это может говорить как о том, что княжеские и не княжеские духовные оформлялись по одному формуляру (отклонения от конкретного формуляра характерны для обеих групп грамот), так и о том, что в их основе лежала одна процедура словоговорения с определенным набором формул.

⁵⁸ ДДГ, № 1.

⁵⁹ ПРП, вып. II, с. 27, 28.

⁶⁰ ИЛ, стлб. 657.

⁶¹ ИЛ, стлб. 609.

⁶² ПВЛ, I, с. 108.

Духовная
митр. Алексея
(ок. 1377 г.)

Духовная
Семиона
(XIV—XV вв.)

Духовная
Климентя
(не позднее
1270 г.)

Духовная
Антония
Римлянина
(не позднее
1147 г.)

- 1) Милостью божьею. . . спаси душу мою, грешнаго раба своего.
- 2) *Се яз. . .* [имярек]
- 3) пишу грамоту душевную целым своим умом.
- 4) *Даю* святому Михаилу. . . село Жилинское. . . и т. д.
- 5) А манастырь святого Михаила Чюда *приказываю* тебе своему сыну князю великому Дмитрею Ивановичю всея Русии. . . ⁶³

- 1) Во имя отца и сына и святого духа.
- 2) *Се яз раб божи* [имярек],
- 3) лежа в болезни, списках рукописание.
- 4) *А даю* животное свое получение женеи своей Федосьи в одерень. . .
- 5) *А приказываю* присматривать живот своего и женеи своей и брату своему Василью.
- 6) *А даю* ему. . .
- 7) А иному племени моему. . . не вступатися им в мое данье ни во что ж.
- 8) А на то послух бог и отец мой духовное [имярек].
- 9) А хто мое слово переступит или посудит, суди ему бог. ⁶⁴

- 1) Во имя отца и сына и святого духа.
- 2) *Се аз раб божи* [имярек]
- 3) *даю* святому Георгию. . .
- 4) А свою жену *приказываю* игумену Варламу и всеи братье. . .
- 5) Аже кто вступить на сю грамоту, да не со мною с однимъ станеть пре богомъ, с всимъ моимъ племенем. ⁶⁵

- 1) *Се аз* [имярек], хужии во мнисех, изыдох на место сее, не приях и имения ото князя от епискупа, но токмо благословение от Никиты епискупа.
- 2) *А се поручаю* богу и свитеи богородицы и крестьяном, и даю в свободу, и се *поручаю* место се на игуменство.
- 3) Хто мое слово худое преступить, судит ему бог и святая богородица или бог ответ. . . ⁶⁶

«Рядом» в древней Руси считали договоры и договорные грамоты. Формуляр договорных грамот состоит из указания договаривающихся контрагентов, содержания договора (клаузулы «докончахом мир» или «подтвердихом мира старого» необязательны), указания на крестоцелование в знак освященности и нерушимости договора. Публичность совершенного договора, происхождение акта от высших государственных органов и лиц делали ненужным послушество. Иногда в договорных грамотах Новгорода с иностранными контрагентами отсутствовали крестоцеловальные формулы, условия договора вытесняли определение его характера.

⁶³ АСЭИ, III, № 28.

⁶⁴ Марасинова, № 14.

⁶⁵ ГВНП, № 105.

⁶⁶ ГВНП, № 103. О подлинности грамоты см.: Валк С. Н. Начальная история. . ., с. 295—300; Тихомиров М. Н. О частных актах. . ., с. 233—241. Отметим, что клаузула «а се поручаю» такая же, как в завещании Ярослава Мудрого, тогда как в духовных XIII—XV вв. ее заменили клаузулы «се даю», «се приказываю».

Однако для внутрирусских договорных грамот обязательными клаузулами являлись условия договора и крестоцелование.

Крестоцеловальная формула в формуляре договорной грамоты была настолько существенна, что договорные грамоты в актах XIV—XV вв. назывались «крестными грамотами».⁶⁷ Установление этого факта важно при определении характера «крестных грамот», упоминаемых в летописании XII в., — это договорные грамоты. Если в первой по времени упоминаемой «крестной грамоте» (под 1144 г.) характер договора не ясен,⁶⁸ то в последующих содержание договоров (упомянуты под 1147, 1152, 1190, 1195 гг.) очевидно: владение спорными территориями и городами, заключение мира и определение владений.⁶⁹ При указании нарушений «крестных грамот» приведены основные клаузулы договорных грамот: ряд, т. е. условия заключения договора, и крестоцелование. Таким образом, основные элементы конкретного формуляра междукняжеских договорных грамот XII в. легко реконструируются: указание контрагентов, условия договора, крестоцелование. Древнейшие междукняжеские договорные грамоты сохранились лишь с середины XIV в., и сделанное нами наблюдение позволяет говорить о едином процессе составления договорных грамот на Руси в XII в. (договоры Новгорода с Западом сохранились с конца XII в., Новгорода с русскими князьями — со второй половины XIII в.).

Крестоцелование как обязательная клаузула договорных грамот восходит к ритуальному действию и словесной формуле, которые сопровождали клятвенное подтверждение заключенного договора. В древнейших сохранившихся грамотах XIII—начала XV в. крестоцелование входит также в подтверждение условий договора: повторение условий предшествующих договоров, рота-клятва при решении спорных дел, подтверждение условий раздела княжеских земель и имущества, старейшинства и т. д.⁷⁰ Обязательность крестоцелования при договорах и указание его в тексте договоров способствовали появлению выражений, свидетельствующих о самостоятельном значении крестоцелования при заключении договоров и написании грамот.⁷¹ Более того, даже в период широкого распространения письменных актов слова «крестное целование» или просто «целование» были синонимами договора, договорной грамоты или свидетельством устного договора, подтвержденного крестоцелованием.⁷²

⁶⁷ ГВНП, № 19, 46, 77, 335; ДДТ, № 9.

⁶⁸ ИЛ, стлб. 315.

⁶⁹ Там же, стлб. 346, 462, 670, 686, 693.

⁷⁰ ГВНП, № 1—3, 9, 10, 13, 46 и др.; ДДТ, № 2, 5 и др.

⁷¹ «...приехать и отъехать, горою и водою, по старому крестному целованию и по старым грамотам... А будет согласие и мир у немецких послов с Новгородцами по старому крестному целованию и по старым грамотам, то это хорошо» (ГВНП, № 43 и др.).

⁷² ГВНП, № 48; ДДТ, № 9.

В летописании XI—XII вв. содержатся многочисленные известия о крестоцелованиях, подтверждающих заключение мира, договор о разделе земель, отказ от мести, вокняжение и т. д.⁷³ Целованию креста придавалось особое значение, поскольку нарушение договора должно было навлечь кару божественной силы.⁷⁴ Такое толкование обряда крестоцелования превращало его в поклонение кресту как освящающей и карающей силе. Этим объясняется тот факт, что Володарь и Василько вышли навстречу Святополку именно с тем крестом, целование на котором преступил Святополк.⁷⁵ Такая фетишизация креста при подтверждении и освящении договора восходит к клятвам на оружии языческих времен при тех же обстоятельствах,⁷⁶ когда языческие боги и собственное оружие должны были покарать нарушителя договора.⁷⁷

Следовательно, можно утверждать, что формуляр договорных грамот повторяет процедуру заключения договора. Формулы словоговорения (изложение условий договора) и обрядовые действия (клятва, крестоцелование) восходят к языческому периоду и сохранились с соответствующими изменениями после принятия христианства.

Формуляры рассмотренных актов (купчих, данных, рядных, договорных, духовных) единообразны. Они начинаются с диспозитивной формулы («се купи», «дал есмь», «се порядися», «се приказываю» и т. д., см. также «се разделися», «се разменишася» в отдельных и меновных), за которой следуют указания адресанта или контрагентов (в договорных, данных и духовных, в последних на первом месте находится «богословие»). Диспозитивные клаузулы — формулы указывают на происхождение акта (сообщение о характере распоряжения или сделки) и назначение акта (констатация распоряжения или сделки определенного содержания). Эти формулы, в отличие от других клаузул актов, определяют характер сделки и тип грамоты. Поэтому мы предлагаем эти устойчивые словосочетания, устанавливающие происхождение и назначение акта, назвать функциональными клаузулами, что показывает их определяющую роль в конкретном формуляре и выделяет их из остальных клаузул грамот.

Выделение основных элементов позволяет установить условный формуляр древнейших грамот: функциональная клаузула + адресант + [адресат] + распоряжение + санкция + [удостоверение].⁷⁸ Как показано выше, конкретному формуляру акта предшествовали словесно-обрядовые процедуры, отражающие клаузулы формуляров письменных актов и обязательно включавшие функ-

⁷³ ПВЛ, I, с. 112, 150, 171; ИЛ, стлб. 318, 320—322, 343, 351, 366, 367.

⁷⁴ ПВЛ, I, с. 115.

⁷⁵ Там же, с. 178—179.

⁷⁶ Там же, с. 25, 26, 52.

⁷⁷ Там же, с. 35.

⁷⁸ Квадратные скобки означают необязательность включения данных клаузул в конкретный формуляр. С развитием акта в тексте появляются богословие, повествование, выходные данные и т. д.

циональные клаузулы. На этом основании можно сделать вывод, что функциональные клаузулы и распоряжения были основными элементами в словесном оформлении сделки, поскольку они определяли ее характер. Таким образом, общие соображения о смене видов оформления сделки, высказанные в историографии, находят здесь конкретное подтверждение.

Выражения «се купиша», «се дал», «се приказываю», «се порядися» и т. д. + распоряжение (или непосредственное изложение условий при заключении договоров) в присутствии послухов или в сопровождении клятв были достаточным основанием для закрепления распоряжения или сделки. В ряде случаев словоговoreние сопровождалось обрядовыми действиями, подтверждающими обязательность исполнения.

Исследователи отмечали немногочисленные словесные формулы, которые имели для древнерусского судопроизводства определенное юридическое значение («се мое» и другие).⁷⁹ Такое же юридическое удостоверяющее значение имели, вероятно, и функциональные клаузулы. Доказательством того, что словесные формулы могли иметь удостоверяющее значение в раннеклассовых обществах, служит стипуляция в государствах с развитым товарно-денежным обращением — античном римском и раннесредневековом византийском. Сведения о стипуляции, как словесно-формульном оформлении сделки, на что указывал еще Я. Гримм, были собраны А. Станиславским. Согласно определению, данному в Дигестах Юстиниана, «стипуляция есть соединение слов, посредством которых тот, кого спрашивают, намерен дать или сделать; о чем был спрошен — ответит,⁸⁰ первоначально заключалась в торжественном вопрошании и ответе словами вопроса: „Клянешься?“ — „Клянусь!“, „Обещаешь?“ — „Обещаю!“, „Даешь?“ — „Дам!“, „Сделаешь?“ — „Сделаю!“ и т. п.». При императорах Льве и Юстиниане (V—VI вв.) стипуляция позволялась уже не в торжественной форме, но обязательно в устных вопросах и ответах, отражающих существо дела. Обряд стипуляции применялся почти во всех юридических сделках.⁸¹

Вынесение распоряжения в самое начало акта, его изложение в виде формулы, многовековая традиция использования небольшого числа формул диспозитивного значения при словесно-обрядовом и письменном оформлении сделки позволяют предположить, что аналогичный стипуляции обычай закрепления сделки, словесный или упрощенный словесно-обрядовый, предшествовал не только письменным актам, но и сложным словесно-обрядовым процедурам, содержание которых отразилось в формулярах актов.

⁷⁹ Беляев П. И. Очерки права и процесса в эпоху Русской Правды. — Сборник правоведения и общественных знаний, т. 5. СПб., 1895, с. 4—6.

⁸⁰ *Stipulatio autem est verborum conceptio, quibus is qui interrogatur, daturum, facturumve se quod interrogatus est responderit (D.45.1.1.5.1.)*

⁸¹ Станиславский А. Об актах..., с. 83—84.

Эти простейшие формулы выделились из потока речи в результате общественной практики как устойчивое обозначение определенных отношений и в сочетаниях с обрядовыми действиями и послушеством стали обязательной частью сначала словесно-обрядового действия при совершении сделки, а затем письменных актов.

Единство словесно-обрядовой сделки и письменного акта отражает единую природу и установившийся характер социальных отношений и понятий собственности, которые они фиксируют. Поэтому форма, устная или письменная, не имела принципиального значения (этим объясняется также установленный в историографии факт длительного сосуществования письменных актов и словесно-обрядовых сделок⁸²).

В этой связи следует поставить вопрос о правомерности использования понятия «устный акт» наряду с «письменным актом». О возможности такого словоупотребления писал А. С. Лаппо-Данилевский: «Принимая во внимание деление исторических источников на остатки и предания, можно в самом широком смысле разуметь под документом исторический остаток, обозначающий соответственное его содержание преимущественно в письменной форме, хотя в древнейшее время далеко не всякое правоотношение получало такое именно выражение и часто укреплялось лишь каким-либо символическим действием, например клятвою, рукобьем и т. п., однако самое понятие о документе обыкновенно связывалось с его письменной формой».⁸³

Такая классификация актов в практических исследованиях не была поддержана учениками А. С. Лаппо-Данилевского, которые изучали только письменные акты, в основном «частные». Один из учеников даже упрекнул учителя в невыдержанности терминологии при определении акта, поскольку оно предполагало акты и не в письменной форме.⁸⁴

Однако возможность подобного элементарно простого возражения можно было легко предвидеть. Вероятно, это была новая мысль, неожиданная для учеников А. С. Лаппо-Данилевского, которых он готовил к исследованию прежде всего «частных» актов, еще не изученных, но содержащих ценнейшие сведения по истории социально-экономических отношений. Однако возражения

⁸² Равное юридическое значение словесно-обрядовых и письменных закреплений сделок и поэтому длительное сосуществование их наглядно явствует из содержания грамот: «И став на земли, покончаша промежь себе и Иване Васильеве Губареве, а грамот на тую землю не положиша никаких. А пойти Ивану по концальной грамоте по даной с того ручья, где стояле концане славяне с Иваном, поговорили и по рукам побили, что пойти им по той грамоте по даной по урочищам, от урочища, [что] в данной грамоте написаны, и по сеи по записной грамоте» (ГВНП, № 112, середина XV в.).

⁸³ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк... с. 9.

⁸⁴ Котляров Г. М. [Рец. на:] А. Лаппо-Данилевский. Очерк... — Русский исторический журнал, № 8, с. 261.

против деления актов на устные и письменные не представляются обоснованными. В термине «акт» (в современном словоупотреблении — понятии классификационном) не подразумевается его письменное происхождение. Он восходит к глаголу *agege*, который, как и производные от него, означает физическое действие; вторичное значение *actum* означает в документах сообщение о совершенном действии,⁸⁵ лишь значительно позднее возникает термин «акт» как обозначение документа, сообщающего о совершенном действии.⁸⁶ Таким образом, терминологическое использование понятия «акт» правомерно и для словесно-обрядового, и для письменного подтверждения распоряжения или договора — ряда. Один термин позволяет подчеркнуть их единство по существу и по форме, а устнообрядовая и письменная форма указывает лишь на вид закрепления распоряжения или сделки.

Основные этапы истории частного акта, установленные С. Н. Валком, в равной степени типичны для истории акта в целом. Устную сделку, скрепленную символическим действием, письменный акт как «память», акт как надлежащее удостоверение сделки следует рассматривать не только как определенные стадии развития акта, но и как долгое время сосуществующие виды оформления распоряжений и сделок. Однако такая постановка проблемы превращает один из основных вопросов в историографии древнерусской дипломатики — о времени появления на Руси актов, «частных» актов в особенности, — в вопрос второстепенный, поскольку при широком распространении грамотности в XI—XII вв. (это можно теперь без колебаний утверждать, основываясь на многочисленных материалах берестяных грамот и надписей) письменные записи, дублирующие формулы словесно-обрядовых действий, могли совершаться или не совершаться, причем в последнем случае обязательность исполнения распоряжения или сделки не уменьшалась.

Если данное наблюдение верно, то становится понятным, почему в древнерусском состязательном процессе послушество играло значительную роль вплоть до второй половины XVI в. Это указывает на длительное сосуществование письменного и устного акта. Широкое распространение устного акта выдвигало на первый план свидетелей — послухов, они же указывались и в частных сделках, как подтверждение распоряжения или договора. Поэтому в Русской Правде письменные акты не были указаны в качестве судебного доказательства (не случайно в Правде не указаны княжеские уставные и данные грамоты, существовавшие в XII в., как юридический аргумент).

⁸⁵ Du Cange. *Glossarium mediae et infimae latinitatis*, t. I. Niort, 1883, p. 65.

⁸⁶ О содержании термина «акт» в историографии см.: Каштанов С. М. *Очерки...*, с. 5—8. Отметим, что нам представляется недоказанным этимологическое объяснение С. М. Каштановым «акта» (от *ago*) как обозначение документов сделочного, договорного характера, поскольку этот глагол означал не двустороннюю сделку, а одностороннее действие.

Таким образом, привлечение летописей, а также новых открытых материалов (берестяных грамот и граффити) позволило обнаружить следы письменных актов более древних, чем сохранившиеся грамоты (междукняжеские договорные, данные, купчие). Широкий круг привлеченных источников подтверждает сделанные в историографии выводы о генезисе актов и вместе с тем показывает длительный период сосуществования при совершении распоряжений и сделок словесно-процедурных действий письменных «памятей» и письменных актов до XVI в. Это свидетельствует о едином характере феодальных отношений и собственности, которые фиксируются ими как в период генезиса, так и в период сложившегося письменного акта. В источниках прослеживается единство формулярного состава устных и письменных актов XI—XV вв. Устойчивая структура формуляра (вынесение на первое место диспозитивных клаузул — формул) позволяет предположить первоначальный вид оформления сделок аналогичным стипуляции, обязательность исполнения которой была позднее подтверждена символически обрядовыми действиями, клятвами и послушеством.

С. М. БАШТАНОВ

ИНТИТУЛЯЦИЯ РУССКИХ КНЯЖЕСКИХ АКТОВ X—XIV вв.

(Опыт первичной классификации)

Проблема интитуляции русских актов принадлежит к числу неразработанных, хотя в литературе и обращено внимание на историю титула древнерусских князей, который изучался по летописям, публицистическим произведениям, отчасти и по актам, а также по известиям восточных и западных писателей, хронистов и анналистов, по печатям и отдельным записям и надписям (труды А. Б. Лакиера, М. Д. Приселкова, Б. А. Рыбакова, В. П. Шушарина, В. Л. Янина, зарубежных исследователей — Л. К. Гетца, К. Рабека-Шмидта, А. В. Соловьева и др.).

Наибольшую остроту приобрело обсуждение вопроса о том, 1) носили ли киевские князья великокняжеский титул, 2) когда он получил распространение и 3) какое социально-политическое значение имел. Однако при этом актовый материал, выражающий современные его составителям юридические воззрения и притязания,¹ не ставился во главу угла, а интитуляция актов в полном

¹ Об относительном несоответствии между титулом и реальной властью (или сферой применения власти) его носителей см.: Wolfram H. Intitulatio, I. Lateinische Königs- und Fürstentitel bis zum Ende des 8. Jahrhunderts. Graz—Wien—Köln, 1967, S. 12—13.